

КОРЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБИДЫ В ОТНОШЕНИЯХ С РОССИЕЙ ДО 1910 г.

Илья Дьячков, Данил ШКАТОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: Применительно к Восточной Азии выражение «история – это политика, опрокинутая в прошлое», является не просто афоризмом, а описанием действительности. Апелляция к событиям прошлого занимает большое место как в общественном, так и в создаваемом органами государственной власти дискурсе. Особое место в такой политике исторической памяти занимает понятие «историческая обида», когда одна сторона рисует себя в качестве невинной жертвы, а другая предстает в роли несправедливого обидчика, и этот нарратив используется как повод для дискредитации «обидчика» и мобилизации собственного населения. Российско-корейские отношения не омрачены наличием трудноразрешимых или актуализируемых обид, однако существует несколько сюжетов, содержащих повод для потенциальной обиды. В этой статье будет сделана попытка проанализировать потенциально «проблемные» сюжеты российско-корейских отношений вплоть до начала XX века. В качестве таковых выделены «албазинские войны» XVII века, споры об «острове Ноктундо» и события, связанные с влиянием Российской империи на внутрикорейские дела в конце XIX – начале XX в. Проанализирована позиция как южнокорейской, так и северокорейской стороны.

Ключевые слова: историческая обида, историческая политика, российско-корейские отношения, «албазинские войны», остров Ноктундо

Илья Владимирович Дьячков – доцент ВАК, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра японских, корейских и монгольских исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-7058-0811. E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Данил Евгеньевич Шкатов – аспирант кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра японских, корейских и монгольских исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-6690-0181. E-mail: d.szkatow@gmail.com
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 04.10.2023

Принята к публикации: 10.01.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

Двусторонние отношения соседних стран стоят на истории, и в этой истории могут быть как радостные, так и трагические страницы. Политический климат может меняться, и сложные сюжеты общего прошлого могут становиться поводом для предъявления претензий партнеру, основанием для требования извинений или компенсаций, средством формирования в обществе определенного восприятия окружающих стран. «Счетной единицей» такого «актуализированного» (то есть используемого политически) прошлого становится историческая обида – конкретные события общей истории, которые сегодня интерпретируются в рамках логики «жертва – обидчик» как несправедливость и, соответственно, повод для дискредитации «согрешившего» соседа, оказания на него давления, выдвижения требований компенсации и националистической мобилизации общества.

В Северо-Восточной Азии прошлое весьма активно применяется во внутренней и внешней политике, что особенно хорошо заметно по недавней истории корейско-японских отношений (Дьячков, 2022). При этом список уже «используемых» в политике обид всегда меньше списка тех сюжетов, которые потенциально могут быть актуализированы. Долгая и непростая история общения стран региона, значительная мифологизация ее восприятия всеми сторонами позволяют расширять «арсенал» обид практически бесконечно.

Как правило, более экзотические сюжеты продвигаются не государством, а теми или иными общественно-политическими группами, стремящимися нарастить свой внутриполитический капитал за счет включения эксплуатируемой темы во внешнеполитическую повестку. Государство может либо отстраняться от таких мнений, либо негласно поддерживать таких «общественников», скрываясь за их действиями, либо полноценно включать их идеи в дипломатический дискурс, ориентируясь на свои внутриполитические и международные цели.

Для «эффективной» политической эксплуатации обиды важно, во-первых, демонстрировать конкретную выгоду от обострения проблемы (например, приобретение или защита территории, получение компенсаций). Во-вторых, желательно, чтобы проблема была трудноразрешимой или неисчерпаемой: такие условия позволяют выгодоприобретателям обострения пользоваться им как можно дольше для укрепления своих позиций.

При этом позиционирование исторической обиды как проблемы, задевающей самые сокровенные национальные чувства, крайне затрудняет устойчивое урегулирование. Любая договоренность с «обидчиком» может быть рассмотрена как уступка в сфере, где уступки исключены, что нетрудно использовать в политической борьбе для дискредитации сил, допустивших и допускающих компромисс.

Намеренно культивируемая неопределенность означает, что для исследования роли исторических обид в двусторонних отношениях необходимо рассматривать не только те из них, что актуализированы в политике сегодня, но и вообще все сюжеты прошлого (как исторического,

так мифологизированного), где одна из сторон видит другую в негативном свете. Иными словами, рассмотрению подлежат и те вопросы, по которым уже достигнуто взаимопонимание, и те, по которым межгосударственных споров еще не возникало.

Потенциальные обиды в российско-корейских отношениях

К счастью, российско-корейские отношения на данный момент не осложнены историческим фактором. КНДР сегодня – дружественное государство, политическое взаимопонимание с которым находится на традиционно высоком уровне. Республику Корея нередко называют «наименее недружественной» из недружественных стран. Отношения с ней хотя не достигали исключительных практических результатов в более благоприятные периоды, но и тогда, и сейчас отличаются именно отсутствием сколько-нибудь значимых *двусторонних* проблем (Современная Корея..., 2021), а негативный фон определяется внешним давлением.

Однако так, увы, было не всегда. В отношениях есть ряд сюжетов, которые воспринимаются в Корее негативно и могут быть потенциально актуализированы для использования в политике как исторические обиды. Более того, уже были этапы в двусторонних отношениях, когда Север и Юг предъявляли России претензии, ссылаясь на события прошлого.

Если охватить всю историю многовекового соседства с Кореей, можно выделить следующие *потенциально* проблемные сюжеты:

- «албазинские войны»;
- «остров Ноктундо»;
- участие Российской империи в конкуренции за влияние в Корее в конце XIX – начале XX вв.;
- депортация корейцев в СССР в 1937 г.;
- освобождение и разделение Кореи;
- Корейская война 1950–1953 гг.;
- визит миссии А. Микояна и Пэн Дэхуая в Пхеньян в 1956 г.;
- давление СССР на внешнюю политику КНДР;
- уничтожение южнокорейского «Боинга-747», нарушившего советскую границу в 1983 г.;
- отказ Советского Союза и затем новой России от безусловной поддержки КНДР и затем военного союза.

Охватить их все в рамках одной статьи было бы крайне затруднительно, да и непросто судить, можно ли считать некоторые события совсем недавнего прошлого поводом для исторических обид. В рамках данного исследования будут рассматриваться только те потенциальные проблемы, корни которых лежат в истории до 1910 года, когда Корея стала японской колонией. Вокруг этих тем сложился круг литературы, а также устоялась практика обращения к ним в связи с текущим моментом.

«Албазинские войны»

Русско-цинский пограничный конфликт 1649–1989 гг. (так называемые албазинские войны) – событие, малознакомое большинству наших соотечественников. Тем не менее, это – первая встреча русских с корейцами, которая, к сожалению, произошла на поле боя (Симбирцева, 2003). Продвигаясь в Приамурье, русские казаки сталкивались с Цинской империей маньчжуров. На тот момент Цин лишь недавно установила контроль над Китаем. Корейцы воспринимали их как варваров-узурпаторов и накануне, в 1620–30-х гг., отражали маньчжурские вторжения. По иронии судьбы отряды стрелков, которые тогдашний правитель Кореи ван Хёчжон готовил для борьбы с Цин, были мобилизованы для защиты Китая, и в 1654 и 1658 гг. участвовали наряду с другими цинскими силами в стычках с казаками (Тихонов, 2011).

Эти не слишком значительные столкновения, в которых с обеих сторон участвовало несколько сотен человек, в корейской историографии стали известны как «Насон чонболь» (나선정벌, 羅禪征伐), то есть «усмирение России».

Непосредственный участник событий 1658 г. корейский генерал Син Ню описал встречу с русскими в своем дневнике. Он признает, что казаки достойно сражались против китайцев, а их поражение списывает на судьбу. Кроме того, Син Ню удивляется, что русские пришли издалека и провели несколько лет в странствиях, прежде чем дойти до Амура. Также ему понравились кремневые ружья русских, и он досадует на цинского командира, что тот не позволяет забрать образцы в Корею (Симбирцева, 2003). Иными словами, современник в оценках по-служилому сух и сдержан, а если на кого и обижен, то на маньчжуров, которые сами победить не могли, а плодами победы делиться не желают.

В 1984 г. в сборнике, посвященном столетию российско-корейских отношений, южнокорейский исследователь Пак Тхэгын, организовавший публикацию дневников Син Ню, дал весьма тенденциозную оценку тех событий. В довольно громких формулировках он заявляет, что действия корейских войск имели мировое значение, поскольку позволили наконец остановить неконтролируемую экспансию России в Восточной Азии (Пак Тхэгын, 1984). Надо заметить, что его статья написана задолго до установления советско-южнокорейских отношений, в годы холодной войны и вскоре после того, как в 1983 г. был сбит нарушивший советскую границу южнокорейский самолет. Кроме того, человеку, издавшему мемуары Син Ню, наверняка хотелось «прорекламировать» свой проект, преувеличивая историческое значение тех событий.

Слова Пак Тхэгына не остались незамеченными в России, и именитые отечественные исследователи цитировали яркие и, признаться, довольно забавные пассажи из его статьи еще 15, 20 и 25 лет после публикации (Симбирцева, 2001). Б.Д. Пак исчерпывающим образом перечисляет спорные моменты позиции корейского ученого. Во-первых, корейские войска не «сознательно» останавливали русских, а были насильно мобилизованы не слишком дружественной империей Цин. Во-вторых, российское продвижение в Азию отнюдь

не остановилось в середине XVII в. В-третьих, главное – ни корейцы с маньчжурами, ни казаки в то время не имели совершенно никаких представлений о своем противнике, поэтому первые не могли сдерживать «русскую экспансию», а вторые – пытаться вторгнуться в Корею. Характерно, что корейцы в российских сводках той поры вообще не упоминаются (Пак, 2004).

Хотя справедливы замечания, что корейская трактовка «албазинских войн» подкрепляет общий негативный миф о «русской угрозе»¹, скорее, сегодня этот эпизод подается как славная страница национальной военной истории, когда первоклассные корейские части спасли Цин от очередного поражения от казаков в приграничье². Оставив в стороне вопрос о том, насколько такие оценки обоснованы, заметим, что акцент делается на корейском военном мастерстве, и для корейской аудитории здесь важнее скорее свой положительный образ, чем негативный образ русских.

Главное – этот сюжет не воспринимается в Корее как повод для *обиды*, чему помогает само содержание устоявшегося нарратива. Корея выступает не как жертва, а как спаситель (причем не себя, а Китая), да и о политической эксплуатации «албазинских войн» говорить не приходится. Более того, современные южнокорейские исследователи, например, Пак Чибэ, согласны с оценками Б.Д. Пака, понимая, что эти приграничные стычки были скорее исторической случайностью – об этом говорит и масштаб сил, и периферийность конфликта для всех участников. Более того, Пак Чибэ указывает, что целью русских была мирная торговля, а не захваты (Пак Чибэ, 2018).

К слову, в северокорейском изложении истории XVII в. этот сюжет, как правило, не упоминается (История Кореи, 1996).

Добавим, что термин «усмирение России» при всей своей тенденциозности означает, что корейцы признают принадлежность российского Приамурья. Это важно как противовес националистическим представлениям о всем российском Дальнем Востоке как корейской «земле предков» (Чхан Чхи Хёк, 1994).

«Остров Ноктундо»

Претензии определенных кругов на Приморье тесно связаны с вопросом о так называемом острове Ноктундо. Под ним понимается исторически якобы бывшая островом территория в устье реки Туманная (кор. Туманган, кит. Тумыньцзян), по которой проходит российско-корейская граница. Историческое русское название – остров Олений, а сегодня на его предполагаемом месте находится урочище Красное село.

¹ Асмолов К.В. (2022) Россия и Корея: мифы друг о друге. *Российское Общество «Знание»*. Available at: <https://znanierussia.ru/library/video/rossiya-i-koreya-mify-drug-o-druge-1725> (дата обращения: 25.06.2023).

² 나선정벌 (羅禪征伐) [Покорение России] (n.d.) *한국민족문화대백과사전* [Большая энциклопедия корейской национальной культуры]. Available at: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0011383> (дата обращения: 25.06.2023).

Традиционно под «Ноктундо» в Корее понимается ныне соединенная с Приморьем земля на левом берегу Туманной, северо-восточной границей которой является вытянутое озеро Первая протока. Площадь «острова» по такому «традиционному» определению составляет 32 кв. км (Иванов, 2007) (иногда можно встретить и меньшие оценки, например, 23 кв. км³). В последнее время, однако, в южнокорейских научных публикациях встречаются тревожащие «расширительные» трактовки, авторы которых объявляют границей «Ноктундо» реку Карасик, что значительно увеличивает его площадь – почти до 400 кв. км (Сон Сынхо, 2016) (см. рис. 1 и 2).

Рисунок 1. «Остров Ноктундо» в традиционном корейском понимании⁴
Figure 1. "Noktundo Island" in the traditional Korean sense

Рис. 2. Российская часть «острова Ноктундо» в южнокорейских публикациях последних лет⁵
Figure 2. The Russian part of "Noktundo Island" in South Korean publications in recent years

Не очень понятно, как согласовать такие «открытия» с гидрографической и топонимической реальностью: между Карасиком и Туманной есть очевидный водораздел, такой «остров» не прекратил быть островом в конце XIX в., а никогда им не был. Кроме того, западный край такого «Ноктундо» принадлежит Китаю.

³ 이왕구. 北-옛소련 협약타 러 영토 인정된 '녹둔도' 정부도 신중 [Ли Вангу. Правительство также проявляет осторожность по поводу Ноктундо, признанного российской территорией из-за договоренности Севера и бывшего СССР] (2018) *한국일보* [Хангук ильбо]. Available at: <https://m1.hankookilbo.com/News/Read/201807051451033617> (дата обращения: 28.07.2023).

⁴ Источник: Яндекс.Карты.

⁵ Источник: Яндекс.Карты.

Ноктундо несколько раз упоминается в корейских летописях с XV по XVII вв., в основном в контексте укрепления северо-восточных границ Чосона⁶ для защиты от чжурчжэней. После территория пропадает из исторических документов и, судя по дальнейшим событиям, из поля зрения корейских властей (Иванов, 2007).

Говоря о средневековой истории, южнокорейские авторы традиционно связывают Ноктундо с именем героя Имчжинской войны 1592–1598 гг. флотоводца Ли Сунсина. Одним из первых его деяний, оставшихся в исторических документах, было сражение с чжурчжэнями, которое, как считается, произошло на территории Ноктундо. При этом в материалах о Ли Сунсине указано, что Ноктундо находится в 24 км от устья Тумангана, а не в его устье⁷.

Связь данной территории с прославленным Ли Сунсином, одной из самых значимых фигур корейской истории, оказывается для националистически настроенных корейских авторов подарком судьбы и поводом объявить Ноктундо священной землей. Не случайно уже процитированная статья из газеты «Хангук ильбо» на сайте общественной организации «Центр Токто» была перепечатана с более ярким заголовком «Ноктундо: верните остров военачальника Ли Сунсина»⁸.

При этом карты с «большим Ноктундо» можно сегодня встретить даже в материалах южнокорейских госорганов. В 2021 г. южнокорейское Агентство культурного наследия перепечатало на своем сайте репортаж государственной телерадиокомпании «Кей-Би-Эс» о мемориальных стелах на Севере и Юге в честь Ли Сунсина. Для иллюстрации приложена карта, где выделен «остров Ноктундо», причем в «большом» варианте, хотя стела, о которой идет речь, расположена не на нем, «по месту службы Ли Сунсина», а в Северной Корее близ города Расон⁹. Эта локализация хорошо соотносится с утверждением, что будущий флотоводец был направлен на пост в 24 км от устья Тумангана.

С именем Ли Сунсина был связан перспективный российско-корейский трехсторонний проект совместных раскопок на Юге, на Севере и «на Ноктундо» (Пэк Чжоно, 2019), продвигавшийся мэрией Сеула в 2019 г. Тем не менее, из-за начавшейся пандемии коронавируса от идеи пришлось отказаться¹⁰.

⁶ Прим. автора: название корейского государства с 1392 по 1897 гг.

⁷ Ли Сунсин (2013) *Военный дневник (Нанчжун ильги)*. М.: Наука – Восточная литература.

⁸ *녹둔도, "이순신 장군의 섬을 돌려달라"* [Ноктундо: «Верните остров военачальника Ли Сунсина»] (n.d.) *Dokdocenter*. Available at: http://www.dokdocenter.org/dokdo_news/index.cgi?action=detail&number=14358&thead=22r01 (дата обращения: 28.07.2023).

⁹ *녹둔도에서 여수까지 이순신의 승전을 기리는 두 개의 비석. 문화재청 소식지* [Две стелы, восхваляющие победы Ли Сунсина от Ноктундо до Ёсу. Бюллетень Агентства культурного наследия] (2021) *문화재청 [Управление культурного наследия]*. Available at: https://www.cha.go.kr/cop/bbs/selectBoardArticle.do;jsessionid=lyaa6ZnENUCmhPyhvvGFM2YY9eflciGLtHihQKTmNW1CQGUZNPstxta2p2pr5CsYUY.cha-was02_servlet_engine1?nttl=79829&bbid=BBMSMSTR_1008&pageUnit=0&searchtitle=&searchcont=&searchkey=&searchwriter=&searchWrd=&ctgryLrcls=&ctgryMdcls=&ctgrySmcls=&ntcStartDt=&ntcEndDt=&mn=NS_01_09_01 (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁰ Там же.

При этом нет оснований отрицать присутствие корейцев в районах ныне российского Приморья в Средневековье. Так, на границе России и Китая (как раз близ истока реки Карасик и тоже около 24 км от устья Туманной) было обнаружено городище, которое предположительно является остатками чосонских укреплений XV в. (Артемьева, Макиевский, 2018).

В 1860 г. Российская империя и Цинский Китай заключили Пекинский договор, по которому была определена восточная граница между государствами. В ходе демаркации российская сторона неожиданно обнаружила, что местные китайские власти не довели границу до моря, оставив небольшой кусок в нижнем течении реки Туманная, ссылаясь на то, что там живут корейцы, и Китай не может распоряжаться их землями. Впрочем, высшее цинское руководство, заключая трактат о границе, не советовалось со своим вассалом. Как бы то ни было, у России на Дальнем Востоке появился еще один сосед – Корея, и граница с ней прошла по реке Туманной (Пак, 2004).

Российские власти пытались вступить в контакт с корейскими, в том числе чтобы урегулировать приграничные вопросы, но успеха не достигли. Страна была закрытой, и общение с иностранцами запрещалось (как проникновение в страну чужаков, так и уход корейцев за рубеж). Ситуацию дополнительно усложняла специфика работы тогдашней корейской провинциальной и центральной бюрократии, не спешившей решать новую проблему (Иванов, 2012).

При этом, несмотря на противодействие властей Чосона, корейцы из бедных приграничных провинций активно переселялись на российский Дальний Восток (Пак, 2004).

Спустя 20 лет, к 1880-м гг., когда корейские власти «спохватились», что «остров Ноктундо» ими не контролируется, в приграничные районы и за Туманган стали направляться агенты для оценки ситуации. При этом обнаружилось, что «остров» перестал быть таковым: речные наносы закупорили левый рукав Туманной, соединив его с остальной российской частью. Временной лаг, формат наблюдения и сам факт неожиданного открытия говорит многое о степени суверенитета Чосона над своим приграничьем (Иванов, 2012).

К началу 1880-х гг. относятся первые претензии корейцев на эту территорию, пока высказываемые во внутренних дискуссиях в Корее и в общении с китайскими, а не российскими дипломатами (Иванов, 2012).

Примерно в эту пору, по-видимому, создается карта «Агук ёчжидо» («Комплексная карта России»). Этот интересный документ включал схематические изображения и краткие описания не всей России, а лишь нескольких районов Приморья.

Примечательно, что «Комплексная карта России» открывается разделом про Ноктундо: иными словами, он представлен как часть России. Впрочем, картографы указали, что живущие на российских землях корейцы держатся корейских традиций и политически лояльны чосонскому престолу. То же вану сообщали и другие корейские «инспекторы» Приморья. Однако сравнение

со свидетельствами современников из третьих стран показывает, что ситуация «на земле» была иной, а «проверяющие» сообщали правителю то, что тот хотел бы слышать (Врадий, 2010).

Не прибавляет ясности и карта «Тэдон ёчжидо» («Комплексная карта Великого Востока»¹¹), составленная в ту же пору, в 1881 г. На ней Ноктундо – крошечный островок (значительно меньше даже нынешней «маленькой» интерпретации), действительно расположенный в самом устье Туманной¹². По размерам и расположению он больше всего похож на современные речные острова Кангудо или Кхынсом, принадлежащие КНДР.

С потерей суверенитета и японской колонизацией 1910 г. Корея потеряла возможность обсуждать с Россией приграничное урегулирование. В начале 1910-х гг. Москва и Токио пытались провести демаркацию границы на реке Туманная, однако работа прекратилась с началом Первой мировой войны (Пестушко, 2000).

С 1948 г. соседом СССР оказалась КНДР, и дружественный характер отношений между Москвой и Пхеньяном исключал публичное обострение приграничных споров (хотя в 1960-е гг. сходная близость не предотвратила острый северокорейско-китайский пограничный конфликт). Тем не менее, стороны обсуждали вопрос о границе, которому были посвящены договоры 1957 и 1985 гг. (Ларин, 1998), а также протокол о демаркации 1990 г. Линия государственной границы прошла по естественной преграде – основному руслу реки Туманная, причем в случае изменения русла граница без договоренностей сторон не меняется¹³. Это исключает любые спорные трактовки о принадлежности левобережных территорий.

Разумеется, Сеул не признает никакие международные договоренности, заключенные Пхеньяном, равно как и саму КНДР. Хотя южнокорейский МИД сегодня отвечает на вопросы о Ноктундо уклончиво, говоря, что это вопрос, требующий тщательного всестороннего рассмотрения¹⁴, так было не всегда.

В 1990 г. требование о «возвращении» территории было предъявлено советскому представителю в Сеуле официально, а затем южнокорейские общественники обращались с петициями подобного рода к М.С. Горбачеву и Б.Н. Ельцину. В 2000-х гг. последовал целый вал статей в южнокорейской центральной прессе, где ясно звучал устоявшийся и знакомый нарратив, что Россия в свое время незаконно захватила «остров», пользуясь слабостью Кореи. Поводом выступили работы по укреплению подмытого российского

¹¹ Прим. автора: то есть карта Кореи.

¹² 대동여지도[Тэдон ёчжидо] (2023) 국립고궁박물관 [Государственный дворцовый музей]. Available at: <https://www.gogung.go.kr/gogung/main/contents.do?menuNo=800220> (дата обращения: 28.07.2023).

¹³ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой о прохождении линии советско-корейской государственной границы (1985) Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1902286> (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁴ Ли Вангу. Указ. соч.

берега Туманной (Иванов, 2007) (кстати, положения о таких работах содержатся в российско-северокорейском договоре о границе 2012 г.¹⁵). Нелзя не заметить, что этот всплеск деятельности «активистов-общественников» хронологически совпадает с порой, когда администрация президента Но Мухёна «прогревает» спор с Японией об острове Токто (Дьячков, 2020).

После 2000-х гг. материалы подобного характера выходят реже, и эмоциональный накал несколько снизился. Впрочем, в главных южнокорейских газетах раз-два в год выходят статьи о «Ноктундо», где он описывается как «наша земля, которую мы потеряли»¹⁶. Не редкость, что современные южнокорейские авторы используют слово «Ноктундо» как термин для прилежащей к Корее российской территории после XIX в. (Российско-корейские отношения..., 2022).

При этом тема эта отнюдь не забыта – и не может быть забыта, поскольку в рамках «политики памяти» включается южнокорейским правительством в учебники и иные материалы для детей.

Самым одиозным из недавних примеров является статья 2016 г. в детском приложении к правой газете «Чосон ильбо», подготовленная совместно с отделом пропаганды правопорядка Министерства юстиции Республики Корея¹⁷. Из этой заметки, построенной как диалог внучки и дедушки, дети должны узнать, что якобы Цинский Китай передал России Ноктундо за оказание некоей помощи, а Россия не вернула остров Корее, несмотря на просьбы, из-за слабости последней (Внучка: «Забирать чужие земли! Как нехорошо!»). Кроме того, как еще одно прегрешение против «корейского Ноктундо» указывается, что советские власти депортировали именно оттуда корейцев в 1938 г.

Заметку завершает следующая мораль: «Ребята, какие чувства вы испытывали, послушав беседу дедушки и Ынчжу?»¹⁸ В прошлом у нашей страны был слабый суверенитет, и с ней могли случаться такие прискорбные вещи, что другие страны отнимали ее земли, но сейчас, говорят, все иначе. Через конституцию закреплены три важных признака государственности – суверенитет, народ, территория. Это значит, что не может кто угодно лихо вторгнуться на нашу территорию, то есть нашу землю».

¹⁵ Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о режиме российско-корейской государственной границы (2012) *Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902360385#64U0IK> (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁶ См., напр.: 잃어버린 우리 땅 녹둔도 [Наша земля, которую мы потеряли, – Ноктундо] (2013) *월간조선* [Ежемесячник «Чосон»]. Available at: <http://monthly.chosun.com/client/news/view.asp?nNewsNumb=201303100058> (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁷ 교과서 속 법이야기. 잃어버린 땅 '녹둔도' [Правовые сюжеты в учебниках. Потерянная земля – Ноктундо] (2016) *어린이조선일보* «„Чосон ильбо“ для детей». Available at: http://kid.chosun.com/site/data/html_dir/2016/03/14/2016031402263.html (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁸ Прим. автора: имя внучки.

Авторы увязывают заметку с тем, что проходят пятиклассники: темой «Ноктундо» из курса родного языка, и с темой «Наша бесценная территория» из курса по обществознанию. Действительно, в учебнике для 5 класса «Ноктундо» – одна из тем для чтения, и содержание текстов совпадает с заметкой вплоть до пассажа о депортации, но излагается в больших подробностях¹⁹.

Сюжет с Ноктундо – «спящая проблема» в отношениях России с Сеулом и типичная историческая обида. В южнокорейском нарративе Корея выступает именно как жертва, чьей временной слабостью воспользовалась Россия либо самостоятельно, либо в сговоре с Цинским Китаем. За мыслью о временной слабости, видимо, естественным образом должен возникать вывод, что после ее преодоления это недоразумение прошлого должно быть исправлено в пользу Сеула.

Хотя Республика Корея не настроена сейчас «заострять» этот вопрос, распространено мнение, что претензии на «Ноктундо» должны быть предъявлены после объединения Кореи под флагом Юга (Иванов, 2007). Нельзя не заметить, что правительство тщательно поддерживает и воспроизводит «нужную» память о Ноктундо путем индоктринации детей через учебники. Периодические публикации в прессе не всегда можно однозначно увязать с волей властей, но они работают на тот же результат.

Примечательно, что с точки зрения российско-южнокорейских отношений проблема не имеет обоюдоприемлемого решения. Москва с конца XIX в. пыталась урегулировать пограничный вопрос – сначала с избегавшими контактов чосонскими властями, затем с Японией. Решение в итоге было достигнуто в рамках договоренностей с КНДР, чей суверенитет над северо-восточными землями Кореи для Москвы неоспорим.

Для России было бы абсурдно даже обсуждать конфигурацию общей границы с Республикой Корея, с которой у нас сухопутной границы нет, распоряжаясь при этом территорией КНДР без ее ведома. Сеул же по понятным причинам не может признать КНДР и ее решения.

В ситуации, когда поиск решения с южнокорейцами невозможен, а с точки зрения России проблема уже решена (причем с *корейскими* же властями), воспроизводство нарратива о Ноктундо служит только поддержанию исторической обиды «про запас». Судя по участию сеульского правительства в подготовке соответствующих материалов, это происходит не только за счет деятельности частных лиц и организаций.

С другой стороны, на официальном уровне Сеул не заявляет о «проблеме Ноктундо» ничего, хотя в его репертуаре есть и более экзотические претензии в адрес Китая на подводную скалу в Восточно-Китайском море (т.н. остров Иодо). Действительно, обострение ситуации не может принести Южной Корее

¹⁹ 이재승 외 [И Чжэсын и др.] (2015) *초등 국어 5-1 [Родной язык для начальной школы, 5-1]*. 서울 : 교육부 [Сеул: Министерство образования].

какой-либо ощутимой выгоды (трудно себе представить, что «остров» удастся занять, как Иодо), а дополнительное осложнение отношений с Россией из-за Ноктундо нецелесообразно (тем более что оно и так может произойти по иным, более существенным причинам).

При этом нельзя исключать, что обострение вопроса о «Ноктундо» станет не причиной, а следствием общего охлаждения двусторонних связей. Другой возможный негативный сценарий – эксплуатация проблемы для перенаправления «исторического гнева» на Россию, чтобы снизить недовольство населения поспешным и конъюнктурным «замирением» президента Юн Согёла с Японией по обидам прошлого.

Участие Российской империи в конкуренции за влияние в Корее в конце XIX – начале XX в.

Начиная с 1870-х годов Корея, до этого закрытая страна, начала открываться внешнему миру. Это происходило не добровольно: первый международный договор Корея подписала в 1876 г. после вооруженного давления со стороны Японской империи. Документ был неравноправным, и впоследствии схожие договоры, предоставлявшие иностранцам односторонние привилегии, были подписаны с другими крупными державами: с США, Великобританией и Германией (1882 г.), с Италией (1884 г.) и с Францией (1885 г.).

Официальной датой установления отношений между Российской империей и Кореей считается 1884 г., когда был подписан российско-корейский договор. Он ставил стороны в неравное положение: российские подданные в Корее были неподсудны местным властям, Россия имела преимущества в торговых отношениях и т.д. Однако, как отмечает Б.Б. Пак, договор лишь копировал уже заключенные соглашения Кореи с западными державами, а из-за слабого инфраструктурного развития российского Дальнего Востока в то время предоставляемые привилегии не имели для России большого экономического значения (Пак, 2022). В то же время для Кореи этот договор обладал и позитивным значением, что отмечают и корейские историки. На тот момент Корея все еще продолжала существовать в рамках вассально-данических отношений с Цинским Китаем. Заключение иностранных договоров напрямую, без посредничества Китая повышало международную субъектность страны в глазах корейского ванского²⁰ двора (Чхве Доккю, 2022).

В 1880–90-е гг. политика России на Корейском полуострове имела своей целью утвердить независимое и нейтральное международное положение Кореи, которая превращалась в арену соперничества Китая, Японии и других держав. До китайско-японской войны 1894–95 гг. основной своей задачей российская дипломатия видела вывод Кореи из-под влияния Китая. После победы Японии стали очевидны ее притязания на контроль над Корейским

²⁰ Прим. автора: Ван – титул правителя в синоцентричной культурной системе, в рамках восточноазиатской иерархии может быть сравним с европейским титулом князя.

полуостровом, а в Корее власть взяло в руки прояпонское правительство во главе с Ким Хончжипом. Российская дипломатия была вынуждена реагировать на изменившуюся реальность.

Наиболее активное участие России во внутренних делах Кореи пришлось на 1895–97 гг. На этот период пришелся инцидент, известный как «Бегство вана Кочжона в русскую миссию» (кор. 아관파천, 俄館播遷, *агван пхачхон*). В октябре 1895 г. японская миссия в Сеуле организовала нападение на дворец вана и убийство королевы Мин Мёнсон, главы антияпонской фракции. Это вызвало рост антияпонских настроений в обществе и заставило как корейскую общественность, так и самого вана Кочжона искать защиты у Российской империи. В феврале 1896 г. Кочжон, фактически запертый в своем дворце, принял решение укрыться на территории миссии Российской империи в Сеуле. Такое развитие событий привело к падению прояпонского правительства и установлению нового, пророссийски настроенного кабинета министров, что усилило влияние России на внутренние дела корейского государства.

На какое-то время на полуострове установилась система, которую южнокорейский исследователь Чхве Доккю назвал «системой двустороннего управления Корейским полуостровом» (Чхве Доккю, 2019). В результате ряда двусторонних договоренностей России и Японии стороны обязывались учитывать интересы друг друга и заранее уведомлять противоположную сторону о своих планах в Корее. Вместе с этим 1896–97 гг. были периодом тесного сотрудничества Российской империи и Кореи: в стране работали российский финансовый советник, военные советники. Однако после того, как в 1897 г. был арендован Порт-Артур, внимание Петербурга переключилось с Кореи на Манчжурию, и постепенно Россия стала утрачивать влияние на полуострове. В 1905 г. по итогам Русско-японской войны Корея полностью оказалась в орбите японского влияния.

События того периода в современной Республике Корея иногда до сих пор трактуются в рамках мифа о «русской угрозе». Например, одна из главных газет Республики Корея, правоконсервативная «Чунан Ильбо» назвала заметку о якобы произошедшем в 2019 г. нарушении российским самолетом воздушного пространства Южной Кореи «Инстинкт России нацеливаться на Корейский полуостров»²¹. В этой же статье автор, освещая историю российских устремлений на Корейском полуострове, описывает их как продолжение амбиций еще Петра I по овладению выходом к морю и доступом к незамерзающим портам. По его мнению, Россия в конце XIX в. вынашивала планы по покорению Кореи и Маньчжурии в целях получения доступа к океанским незамерзающим портам, и это желание побудило ее начать Русско-японскую войну.

²¹ Чунан Ильбо (2019) 한반도 노리는 러시아의 본능... «독도 침공은 훈련 아닌 작전» [Инстинкт России — нацеливаться на Корейский полуостров]. *The JoongAng*. Available at: <https://www.joongang.co.kr/article/23537651#home> (дата обращения: 01.09.2023).

В южнокорейской историографии нет единого мнения относительно роли России в событиях конца XIX – начала XX в. на Корейском полуострове. В эпоху холодной войны доминировал подход, в рамках которого политика Российской империи рассматривалась исключительно как экспансионистская. Примером может служить упоминавшийся выше сборник «100 лет корейско-российских отношений» 1984 года (100 лет корейско-российских отношений, 1984), где несколько статей посвящены данному периоду. Не вдаваясь в подробности, можно отметить общие для всех авторов тезисы: с самого начала российско-корейских контактов Российская империя вынашивала агрессивные планы по включению Корейского полуострова в орбиту своего влияния; российско-корейский договор 1884 г. стал началом «мягкого покорения» Кореи Россией; агрессивная политика Российской империи на Корейском полуострове стала одной из главных причин начала Русско-японской войны и др.

Подобные установки переключались и в некоторые более современные исторические работы. Среди них выделяется монография Сон Чжонхвана с говорящим названием «История российской агрессии в Корее» (книга издавалась в 1990 г. и была переиздана с дополнениями в 2004 г.) (Сон Чжонхван, 1990). Более подробный обзор южнокорейской историографии данного периода дан в докторской диссертации Б.Б. Пак «Российская дипломатия и Корея (1876–1898)» (Пак, 1998).

Однако, как справедливо указывает Б.Б. Пак, с момента налаживания советско- и российско-южнокорейских отношений появилось также и большое число исследований, менее предвзято оценивающих российскую политику в отношении Кореи на рубеже XIX–XX вв. Новое поколение ученых строило свои работы не только на корейских документах и утверждениях японских историков, но и наконец-то обратилось к архивным документам российской стороны. В таких работах отсутствует тезис о «русской угрозе», показывается, что российская дипломатия не ставила целью захват или подчинение Кореи. Эти оценки в последние десятилетия стали более распространены и нашли отражение в фундаментальных исторических работах (Чхве Доккю, 2019).

Хорошим маркером того, насколько тот или иной сюжет истории двусторонних отношений может восприниматься и использоваться как обида, служат учебники средней и старшей школы. Если посмотреть на то, как анализируемый исторический период освещается в школьных учебниках Республики Корея, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в отличие от Японии, политике России в отношении Кореи не посвящено отдельного раздела в учебнике. Российская империя упоминается лишь как одна из ряда великих держав, которые добивались открытия Кореи для иностранной торговли и продвигали свои интересы. Утверждения о желании Российской империи «захватить» или «подчинить» Корею отсутствуют. Во-вторых, инцидент с бегством вана Кочжона из своего дворца в российскую миссию в Сеуле подается в нейтральном свете. Мотивация Кочжона

описывается как желание обеспечить собственную безопасность и выйти из-под влияния Японии; Россия не позиционируется как сторона, преследующая корыстные интересы²².

В целом на современном этапе события конца XIX – начала XX в., связанные с политикой России на Корейском полуострове, воспринимаются не однозначно негативно, а скорее нейтрально. Здесь важен контраст: именно в тот период происходило постепенное наращивание усилий Японией по поглощению Кореи, что завершилось аннексией страны в 1910 г. Японская колонизация до сих пор является одной из главных исторических травм корейского общества, и обиды, связанные с внешним вмешательством, в первую очередь направлены на Японию.

В КНДР в силу особенностей общественно-политического строя взгляд на события прошлого унифицирован и подчиняется руководящей идеологии – чучхе. Согласно этой идеологии, суверенитет и самостоятельность нации являются высшими ценностями, поэтому любые сюжеты, связанные с вмешательством или влиянием извне, оцениваются строго негативно.

Политика России на Корейском полуострове в указанный период освещается одинаково как в академической (Полная история Кореи, 1987), так и в учебной²³ или научно-популярной литературе²⁴ КНДР. В отличие от описания внутрикорейских процессов, в первую очередь народных восстаний и изменений в экономической структуре, даже в фундаментальной академической работе «Полная история Кореи» взаимодействию Чосона и великих держав в конце XIX в. уделено всего лишь несколько страниц (Полная история Кореи, 1987).

Политика царской России на Корейском полуострове характеризуется исключительно как «захватническая». Например, на стр. 37 «Полной истории Кореи» есть такая фраза: «...однако стремительная экспансия японских империалистических сил в Корею и Китае стимулировала захватнические замыслы империалистических великих держав, в первую очередь царской России» (Полная история Кореи, 1987). Аналогичная оценка представлена и в школьном учебнике для 3-го класса старшей школы (соответствует 11-му классу российской системы). Например, последствия Симоносекского договора 1895 г. описываются так: «...в особенности захват Ляодунского полуострова раздражал царскую Россию, которая в то время наращивала усилия по захвату Кореи и Цинского Китая».

В негативном ключе подается и эпизод, связанный с бегством вана Кочжона в российскую миссию. Этот эпизод описывается как плод интриг российского консула в Корею, К.И. Вебера, который, подговорив членов

²² *고등학교 한국사 교과서, 2015년 개정 교육과정* [Учебник по истории Кореи для старшей школы. Пересмотренная образовательная программа 2015 года] (2020) 서울, 천재교육, [Сеул: изд-во Чхондже Кёюк].

²³ *력사, 고급중학교 3* [История. Учебник для 3-го класса старшей школы]. (2015) 평양, 교육도서출판사, [Пхеньян: Изд-во учебной литературы].

²⁴ *조선의 력사. 리조편 3* [История Кореи. Династия Ли, часть 3]. (1999) 평양 [Пхеньян].

пророссийской фракции, вынудил Кочжона переехать в здание российского представительства. Это позволило К. Веберу создать пророссийское правительство в Корее и добиться для Российской империи разнообразных экономических концессий, а также взять под контроль военную и финансовую сферы. Факт пребывания Кочжона на территории посольства другой страны подается как «еще один позорный пример, ярко освещающий низкопоклонничество вана перед внешними силами» (Полная история Кореи, 1987). Что характерно, ни в академической «Полной истории Кореи», ни в школьном учебнике не проводится связь между убийством королевы Мин, опасениями вана за свою безопасность, стремлением выйти из-под японского контроля и его решением совершить побег в российское посольство.

Можно ли считать, что данный сюжет в Северной Корее считают поводом для исторической обиды? Едва ли. Во-первых, при описании событий рассматриваемого периода всегда используется сочетание «царская Россия», чтобы «отграничить» ее от СССР и Российской Федерации. Для сравнения, в отношении США, которые в КНДР рассматриваются как главный политический соперник, и в отношении современности, и в отношении событий как семидесяти-, так и стопятидесятилетней давности употребляется сочетание «американские империалисты» (미제, мичже). Российский сюжет не становится поводом для выпадов в северокорейских СМИ, как это регулярно происходит с напоминаниями Японии или США об их прошлых преступлениях на корейской земле. Исторический нарратив может гипотетически быть использован для конструирования обиды, если изменится международная обстановка, но перспективы такого развития событий на современном этапе практически равны нулю.

Заключение

Изучение исторических обид – «активных» или потенциальных – требует от исследователя большой осторожности. Здесь, как и в ядерной физике, даже наблюдение за проблемой способно повлиять на ее развитие. В худшем случае любое высказывание может восприниматься как попытка обострить вопрос.

В сегодняшних сложных международных условиях возникает достаточно поводов для конфликта, чтобы не обращаться к прошлому. Увы, практика использования исторических обид показывает, что это наиболее часто происходит как раз «в дополнение» к политическому обострению. К.В. Асмолов и Л.В. Захарова отмечают, что «в российско-южнокорейских отношениях нет неразрешимых проблем, особенно если не раздувать неприятные мифы» (Асмолов, Захарова, 2023). Это весьма справедливая оценка, которую можно распространить и на наши отношения с КНДР.

Из сюжетов наших отношений до XX в., которые могут быть потенциально реконструированы как обида, наиболее тревожащим является вопрос об «острове Ноктундо» в южнокорейской интерпретации. Окраска «албазинских войн» и история конца XIX в. после холодной войны в восприятии

южнокорейцев стала значительно менее яркой, а для северокорейцев эти темы не были исключительно значимыми изначально. Трудность урегулирования «проблемы Ноктундо» с Сеулом в современных политических реалиях (с Пхеньяном, напомним, вопрос взаимоприемлемо закрыт), простота объяснения и демонстрации «потери» для невзыскательных масс, а также поддержание соответствующего настроения в южнокорейских материалах для детей создают почву для потенциального политического конфликта.

Однако если где-то конфликт потенциально возможен, это не значит, что он неизбежен или необходим. Важно знать и изучать сложные темы как раз для того, чтобы сблизить восприятие и избежать ненужного спора. В этом смысле весьма полезны такие проекты, как «Российско-корейские отношения в формате параллельной истории» (Российско-корейские отношения..., 2022), которые позволяют исследователям двух стран независимо и одновременно изложить свои точки зрения на сложные события прошлого. Хочется надеяться, что диалог между Россией и Кореей по подобным темам будет и дальше развиваться на основе взаимного уважения, а главную роль в нем будут играть именно ученые.

Список литературы

1. Артемьева Н.Г., Макиевский С.В. (2018) Первые исследования городища периода Чосон на территории Приморья. *Россия и АТР* 2: 195–212.
2. Асмолов К.В., Захарова Л.В. (2023) Решительность и аккуратность. Отношения России и государств Корейского полуострова в новую эпоху. *Россия в глобальной политике* 4 (21): 203–224. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-203-224.
3. Врадий С.Ю. (2010) Корейская карта российского Приморья «Агук ёчжидо» 俄國輿地圖 – уникальный источник XIX в. о раннем периоде истории русско-корейских отношений. *Известия Восточного института* 16: 103–143.
4. Денисов В.И. (2009) Россия – Корея: дипломатическим отношениям 125 лет. *Вестник МГИМО-Университета* 5: 21–31. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-5-8-21-31.
5. Дьячков И.В. (2021) Взаимные исторические претензии КНДР и Японии. *Японские исследования* 2: 78–91. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91.
6. Дьячков И.В. (2020) Остров Токто в южнокорейско-японских отношениях: история, память, политика. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 12 (11). Часть I. DOI: 10.18254/S207987840010272-8.
7. Дьячков И.В. (2022) Южнокорейская «политика памяти» в отношении Японии: цели, задачи, инструменты. *Современные проблемы Корейского полуострова* 2022. М.: ИКСА РАН, с. 175–185.
8. Иванов А.Ю. (2007) Проблема острова Ноктундо в средствах массовой информации Южной Кореи. *Корея: взгляд из России*. М.: ИДВ РАН.
9. Иванов А.Ю. (2012) Проблема урегулирования приграничных вопросов между Россией и Кореей (1860–1885 гг.). *История и культура Приамурья* 1 (11): 21–26.
10. Ларин В.Л. (1998) *Китай и Дальний Восток России*. Владивосток: Дальнаука.
11. Пак Б.Б. (2022) Отношения России и Кореи до японской аннексии в 1910 г. *Российско-корейские отношения в формате параллельной истории*. Под ред. А.В. Торкунова, Ким Хакчуна. М.: Аспект Пресс, с. 23–24.
12. Пак Б.Б. (1998) *Российская дипломатия и Корея (1876–1898)*. М. – Ирк. – СПб.
13. Пак Б.Д. (2004) *Россия и Корея*. М.: ИВ РАН.

14. Пестушко Ю.С. (2000) Демаркация русско-корейской границы как один из аспектов разрешения русско-японских противоречий накануне Первой мировой войны. *Известия Восточного института. Специальный выпуск*: 122–136.
15. Симбирцева Т.М. (2003) Дневник генерала Син Нью 1658 г. Первое письменное свидетельство о встрече русских и корейцев. *Проблемы истории, филологии, культуры* 13: 336–343.
16. Симбирцева Т.М. (2001) Участие корейских отрядов в Албазинских войнах 1654 и 1658: Источники и историография. *Традиционная культура Востока Азии: сб. статей* 3. Благовещенск: Издательство АмГУ, с. 179–188.
17. Тихонов В.М. (2011) *История Кореи: в 2 т. Т. 1. С древнейших времён до 1904 г.* М.: Восточная книга.
18. Торкунов А.В., Ким Хачкун (ред.) (2022) *Российско-корейские отношения в формате параллельной истории*. М.: Аспект Пресс.
19. Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. (2021) *Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)*. М.: Просвещение.
20. Чхан Чхи Хёк (1994) Российско-южнокорейские связи на рубеже XX и XXI веков. *Вопросы истории* 4.
21. Чхве Доккю (2022) История корейско-русских отношений в Новое время (1860–1910 гг.). *Российско-корейские отношения в формате параллельной истории* под ред. А.В. Торкунова, Ким Хакчуна. М.: Аспект Пресс, с. 67–71.
22. 박지배 [Пак Чибэ] (2018) 17세기 중반 러시아의 동북아진출과 ‘나선정벌’의 의미 [Продвижение России в Северо-Восточную Азию в сер. XVII в. и значение «усмирения России»]. *歷史學報 [Вестник исторической науки]* 240: 637–672 (665–668).
23. 박태근 [Пак Тхэгын] (1984) 러시아의 동방경략과 수교 이전의 한러교섭 [Российские захваты на Востоке и корейско-российские контакты до установления дипломатических отношений]. *한러관계 100년사. 서울: 한국사연구협의회 [100 лет корейско-российских отношений]*. Сеул: Общество исследований корейской истории, р. 8–9.
24. 백종오 [Пэк Чжоно] (2019) 남·북·러의 나선·녹둔도 이순신유적 발굴조사 [Первичные исследования по южнокорейско-северокорейско-российским раскопкам древностей, связанных с Ли Сунсином, в Расоне и Ноктундо]. *내일을 여는 역사 [История, открывающая завтра]* 75: 187–202.
25. 손승호 [Сон Сынхо] (2016) 두만강 하구에 자리한 녹둔도의 위치와 범위 [Расположение и размер острова Ноктундо в устье реки Туманган]. *대한지리학회지 [Журнал Корейского географического общества]* 5(51): 651–665.
26. 송정환 [Сон Чжонхван] (1990) *러시아의 조선침략사 [История российской агрессии в Коре]*. 서울: 범우사 [Сеул: Изд-во Помуса].
27. 송정환 [Сон Чжонхван] (2004) *러시아의 조선침략사 [История российской агрессии в Коре]*. 서울: 범우사 [Сеул: Изд-во Помуса].
28. 전영률, 김창호, 강석희 [Чон Ённьюль, Ким Чханхо, Кан Сокхи и др.]. (1987) *조선통사 (하) [Полная история Кореи. Т. 3]*. 평양, 사회과학출판사 [Пхеньян: Изд-во общественно-научной литературы].
29. *조선 력사 (원시 – 근대) [История Кореи (первобытная эпоха – новое время)]* (1996) 평양: 김일성종합대학출판사 [Пхеньян: Изд-во Ун-та им. Ким Ирсена].
30. 최덕규 [Чхве Доккю] (2019) 러시아의 대한 정책 (1879–1904) [Политика России в отношении Кореи (1879–1904)]. *한국의 대외관계와 외교사. 근대편 [История дипломатии и международных отношений Кореи. Новая история]*. 서울, 동북아역사재단 [Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии], р. 507–568.
31. 최덕규 [Чхве Доккю] (2019) 러시아의 대한 정책 (1879–1904) [Политика России в отношении Кореи (1879–1904)]. *한국의 대외관계와 외교사. 근대편. [История дипломатии и международных отношений Кореи. Новая история]*. 서울, 동북아역사재단 한국외교사편찬위원회 [Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии], р. 525–536.
32. *한러관계 100년사 [100 лет корейско-российских отношений]* (1984) 서울: 한국사연구협의회 [Сеул: Общество исследований корейской истории].

33. *한려관계사 1권, 2권 [История корейско-российских отношений: в 2 т.]* (2022) Согвипх: Корейский фонд международных обменов.

Comparative Politics. Volume 14. No. 3. July–September / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-3-14-39-59

KOREAN PERSPECTIVE ON POTENTIAL HISTORICAL GRIEVANCES IN RELATIONS WITH RUSSIA BEFORE 1910

Dr Ilya V. DYACHKOV – Associate Professor, Department of Oriental Studies; Research Fellow, Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-7058-0811. E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Danil Ye. SHKATOV – PhD Student, Department of Oriental Studies; Researcher, Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-6690-0181. E-mail: d.szkatow@gmail.com
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Acknowledgement. This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00109).

Received October 4, 2023   Accepted January 10, 2024

Abstract: In the case of East Asia, the expression "history is past politics" is not just a phrase, but also an accurate description of reality. References to historical events are common both in public and state-regulated discourses. Central to the historical memory politics is the concept of "historical grievances," with one side painting itself as an innocent victim and the other as a vile assailant to discredit them and mobilize own population. Russo-Korean relations are free from hard to resolve or agenda-dominating grievances, but certain historical events contain seeds of potential grievances. This paper aims to analyze potentially "problematic" aspects of Russo-Korean relations up to the early twentieth century, i.e. "Albazin wars" of the late 1600s, "Noktundo Island" dispute and events surrounding Russian Empire's influence on Korean domestic affairs in the late 19th – early 20th century. The analysis covers both South Korean and North Korean views.

Keywords: historical grievance, historical politics, Russian-Korean relations, "Albazin Wars," Noktundo Island

References:

1. Artemyeva N.G., Makievsky S.V. (2018) Pervyye issledovaniya gorodishcha perioda Choson na territorii Primor'ya [First studies of a settlement of the Joseon period on the territory of Primorye]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region] 2: 195–212. (In Russian).

2. Asmolov K.V., Zakharova L.V. (2023) Reshitel'nost' i akkuratnost'. Otnosheniya Rossii i gosudarstv Koreyskogo poluostrova v novuyu epokhu [Decisiveness and accuracy. Relations between Russia and the states of the Korean Peninsula in a new era]. *Rossiia v global'noy politike* [Russia in Global Affairs] 4 (21): 203–224. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-203-224. (In Russian).
3. Chan Chi Hyuk (1994) Rossiysko-yuzhnokoreyskiye svyazi na rubezhe XX i XXI vekov [Russian–South Korean relations at the turn of the 20th and 21st centuries]. *Voprosy istorii* [History questions] 4. (In Russian).
4. Choi Dokkyu (2022) Istoriya koreysko-russkikh otnosheniy v Novoye vremya (1860–1910 gg.) [History of Korean–Russian relations in modern times (1860–1910)]. In A.V. Torkunov, Kim Khakchun (eds) *Rossiysko-koreyskiye otnosheniya v formate parallel'noy istorii* [Russian–Korean relations in the format of parallel history]. M.: Aspect Press, p. 67–71. (In Russian).
5. Denisov V.I. (2009) Rossiya – Koreya: diplomaticheskimi otnosheniyam 125 let [Russia – Korea: diplomatic relations are 125 years old]. *Vestnik MGIMO–Universiteta* [Bulletin of MGIMO University] 5: 21–31. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-5-8-21-31. (In Russian).
6. Dyachkov I.V. (2021) Vzaimnyye istoricheskiye pretenzii KNDR i Yaponii [Mutual historical claims of the DPRK and Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies] 2: 78–91. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91. (In Russian).
7. Dyachkov I.V. (2020) Ostrov Tokto v yuzhnokoreysko-yaponskikh otnosheniyakh: istoriya, pamyat', politika. [Dokdo Island in South Korean–Japanese relations: history, memory, politics]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal "History"] 12 (11). Part I. DOI: 10.18254/S207987840010272-8. (In Russian).
8. Dyachkov I.V. (2022) Yuzhnokoreyskaya «politika pamyati» v otnoshenii Yaponii: tseli, zadachi, instrument [South Korean "memory policy" towards Japan: goals, objectives, tools]. *Sovremennyye problemy Koreyskogo poluostrova* [Modern problems of the Korean Peninsula 2022]. M.: ICSA RAS, p. 175–185. (In Russian).
9. Ivanov A.Yu. (2007) Problema ostrova Noktundo v sredstvakh massovoy informatsii Yuzhnoy Korei [Noktundo Island Issue in South Korean Media]. *Koreya: vzglyad iz Rossii* [Korea: a view from Russia]. M.: IFES RAS. (In Russian).
10. Ivanov A.Yu. (2012) Problema uregulirovaniya prigranichnykh voprosov mezhdru Rossiiyey i Koreyey (1860–1885 gg.) [The problem of resolving border issues between Russia and Korea (1860–1885)]. *Istoriya i kul'tura Priamur'ya* [History and culture of the Amur region] 1 (11): 21–26. (In Russian).
11. Larin V.L. (1998) *Kitay i Dal'niy Vostok Rossii* [China and the Russian Far East]. Vladivostok: Dalnauka. (In Russian).
12. Pak B.B. (2022) Otnosheniya Rossii i Korei do yaponskoy anneksii v 1910 g. [Relations between Russia and Korea before the Japanese annexation in 1910] In A.V. Torkunov, Kim Khakchun (eds) *Rossiysko-koreyskiye otnosheniya v formate parallel'noy istorii* [Russian–Korean relations in the format of parallel history]. M.: Aspect Press, p. 23–24. (In Russian).
13. Pak B.B. (1998) *Rossiyskaya diplomatiya i Koreya (1876–1898)* [Russian diplomacy and Korea (1876–1898)]. M.–Irk.–SPb. (In Russian).
14. Pak B.D. (2004) *Rossiia i Koreya* [Russia and Korea]. M.: IV RAS. (In Russian).
15. Pestushko Yu.S. (2000) Demarkatsiya russko-koreyskoy granitsy kak odin iz aspektov razresheniya russko-yaponskikh protivorechiy nakanune Pervoy mirovoy voyny [Demarcation of the Russian–Korean border as one of the aspects of the resolution of Russian–Japanese contradictions on the eve of the First World War]. *Izvestiya Vostochnogo instituta. Spetsial'nyy vypusk*. [News of the Eastern Institute. Special issue]: 122–136. (In Russian).
16. Simbirtseva T.M. (2003) Dnevnik generala Sin Nyu 1658 g. Pervoye pis'mennoye svidetel'stvo o vstreche russkikh i koreytssev [Diary of General Sin Nu 1658. The first written evidence of the meeting of Russians and Koreans]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture] 13: 336–343. (In Russian).

17. Simbirtseva T.M. (2001) Uchastiye koreyskikh otryadov v Albazinskikh voynakh 1654 i 1658: Istochniki i istoriografiya [Participation of Korean troops in the Albazin Wars of 1654 and 1658: Sources and historiography]. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii: sb. statey 3* [Traditional culture of East Asia: collection of articles 3]. (In Russian).
18. Tikhonov V.M. (2011) *Istoriya Korei: v 2 t. T. 1. S drevneyshikh vremen do 1904 g.* [History of Korea: in 2 volumes. T. 1. From ancient times to 1904]. M.: Oriental Book. (In Russian).
19. Torkunov A.V., Kim Khachkun (eds.) (2022) *Rossiysko-koreyskiye otnosheniya v formate parallel'noy istorii* [Russian-Korean relations in the format of parallel history]. M.: Aspect Press. (In Russian).
20. Torkunov A.V., Toloraya G.D., Dyachkov I.V. (2021) *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)* [Modern Korea: Metamorphoses of Turbulent Years (2008–2020)]. M.: Enlightenment. (In Russian).
21. Vradiy S.Yu. (2010) Koreyskaya karta rossiyskogo Primor'ya «Aguk yochzhido» é guó yú de tú – unikal'nyy istochnik XIX v. o rannem periode istorii russko-koreyskikh otnosheniy [Korean map of Russian Primorye “Aguk yojido” 俄國輿地圖 – a unique source of the 19th century about the early period of the history of Russian-Korean relations]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [News of the Eastern Institute] 16: 103–143. (In Russian).
22. 박지배 [Пак Чибэ] (2018) 17세기 중반 러시아의 동북아진출과 '나선정벌'의 의미 [Продвижение России в Северо-Восточную Азию в сер. XVII в. и значение «усмирения России»]. *歷史學報 [Вестник исторической науки]* 240: 637–672 (665–668).
23. 박태근 [Пак Тхэгын] (1984) 러시아의 동방경략과 수교 이전의 한러교섭 [Российские захваты на Востоке и корейско-российские контакты до установления дипломатических отношений]. *한러관계 100년사. 서울: 한국사연구협의회 [100 лет корейско-российских отношений]*. Сеул: Общество исследований корейской истории, p. 8–9.
24. 백종오 [Пэк Чжоно] (2019) 남·북·러의 나선-녹둔도 이순신유적 발굴조사 [Первичные исследования по южнокорейско-северокорейско-российским раскопкам древностей, связанных с Ли Сунсином, в Расоне и Ноктундо]. *내일을 여는 역사 [История, открывающая завтра]* 75: 187–202.
25. 손승호 [Сон Сынхо] (2016) 두만강 하구에 자리한 녹둔도의 위치와 범위 [Расположение и размер острова Ноктундо в устье реки Туманган]. *대한지리학회지 [Журнал Корейского географического общества]* 5(51): 651–665.
26. 송정환 [Сон Чжонхван] (1990) *러시아의 조선침략사 [История российской агрессии в Корею]*. 서울: 범우사 [Сеул: Изд-во Помуса].
27. 송정환 [Сон Чжонхван] (2004) *러시아의 조선침략사 [История российской агрессии в Корею]*. 서울: 범우사 [Сеул: Изд-во Помуса].
28. 전영률, 김창호, 강석희 [Чон Ённюль, Ким Чханхо, Кан Сокхи и др.] (1987) *조선통사 (하) [Полная история Кореи. Т. 3]*. 평양, 사회과학출판사 [Пхеньян: Изд-во общественно-научной литературы].
29. *조선 력사 (원시 – 근대) [История Кореи (первобытная эпоха – новое время)]* (1996) 평양: 김일성종합대학출판사 [Пхеньян: Изд-во Ун-та им. Ким Ирсена].
30. 최덕규 [Чхве Доккю] (2019) 러시아의 대한 정책 (1879–1904) [Политика России в отношении Кореи (1879–1904)]. *한국의 대외관계와 외교사. 근대편 [История дипломатии и международных отношений Кореи. Новая история]*. 서울, 동북아역사재단 [Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии], p. 507–568.
31. 최덕규 [Чхве Доккю] (2019) 러시아의 대한 정책 (1879–1904) [Политика России в отношении Кореи (1879–1904)]. *한국의 대외관계와 외교사. 근대편. [История дипломатии и международных отношений Кореи. Новая история]*. 서울, 동북아역사재단 한국외교사편찬위원회 [Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии], p. 525–536.
32. *한러관계 100년사 [100 лет корейско-российских отношений]* (1984) 서울: 한국사연구협의회 [Сеул: Общество исследований корейской истории], 376 p.
33. *한러관계사 1권, 2권 [История корейско-российских отношений: в 2 т.]* (2022) Согвипхо: Корейский фонд международных обменов.